
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ БУДДИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 1920–1930-Е ГГ.: РЕФОРМЫ И РЕПРЕССИИ

Ф.Л. Сеницын

Центр военной истории России
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье анализируются основные этапы развития взаимоотношений между Советским государством и буддийской системой здравоохранения (тибетской медициной) в период 1920-х и 1930-х гг.: реформирование, противостояние, репрессии и ликвидация. В итоге развития этих взаимоотношений власть предпочла не интегрировать тибетскую медицину в государственную систему здравоохранения, а принести ее в жертву ради тотального искоренения буддийской конфессии.

Ключевые слова: буддизм, религиозная политика СССР, здравоохранение, Бурятия, Калмыкия.

В начале XX в. медицинское обслуживание населения в Бурятии, Калмыкии и Туве, как и раньше, осуществлялось буддийскими священнослужителями, специально обученными теории и практике тибетской медицины на основе более 100 буддийских медицинских трактатов (1). Наиболее крупные школы тибетской медицины находились в Бурятии (Агинский, Ацагатский и Цугольский дацаны) и Калмыкии (буддийская академия Цаннит-Чоре). Закономерным образом ламская медицина играла огромную роль в жизни других народов, традиционно исповедовавших буддизм, в том числе тувинцев и монголов.

Распространенность тибетской медицины и ее значимость для бурятского и калмыцкого населения сохранялись в полной мере и после Октябрьской революции. В 1925 г. в Бурято-Монголии работали 440 лам-медиков (2).

В середине 1920-х гг. председатель правительства республики М.Н. Ербанов с сожалением отмечал, что в некоторых районах республики население обращалось за помощью «исключительно к медикам-ламам», а к помощи советской («европейской») медицины прибегало очень редко, да и то после окончательной потери надежды вылечиться у ламы-медика или по совету ламы-предсказателя (3). В Калмыкии констатировали полную «ламскую монополию» на медицинское обслуживание населения (4). Таким образом, власти стояли перед фактом наличия нежелательного для них «наследия прошлого» – «организованной ламской медицины, являющейся... оплотом буддийского культа» (5).

В связи с развитием советских медицинских учреждений в 1920-х гг., а также общим процессом «обновления» буддийской конфессии ламы-медики осознали необходимость модернизации тибетской медицины. Их более передовая часть пыталась перестроить свою работу и приспособить ее «к запросам дня» (6). Представитель Тибета в СССР Хамбо-лама А.Л. Доржиев подчеркивал важность изучения естественных и социальных наук и пытался «обручить» тибетскую медицину с европейской, чтобы сделать их обе более эффективными и спасти ламскую медицину от преследований со стороны властей (7). На состоявшемся в 1925 г. буддийском соборе в Верхнеудинске обсуждался вопрос о тибетской медицине. Был назначен специальный Комитет по тибетской медицине во главе с профессором Г.Ц. Цыбиковым. Комитет курировал 3 медицинские школы в Агинском, Гусиноозерском и Ацагатском дацанах. В 1926 г., с разрешения правительства Бурят-Монголии, состоялся съезд лам-медиков в Ацагатском аршане (8).

Ацагатский аршан (9), при котором работали основанная в конце XIX в. медицинская школа «Манба» и открытая в 1926 г. лечебница, осуществлявшая амбулаторное и стационарное лечение больных, был одним из основных центров тибетской медицины в СССР (10). К 1931 г. в аршане было 35 учебных и лечебных корпусов (11).

Аршан, в котором практиковали 5 лам-медиков, пользовался широкой популярностью среди населения. По свидетельству очевидцев, в аршан «целый день» прибывали на лошадях больные, в одиночку и группами, причем единовременное прибытие 5–7 подвод было не редкостью, а иногда их число доходило до 10.

Возрастной состав больных был от грудных детей до глубоких старцев, по национальности они были, в основном, буряты и русские, приезжавшие из самых разных мест – от Аларского аймака Бурят-Монголии на западе до Читы на востоке.

В среднем аршан посещало до 500 больных в месяц. Плата за посещение была весьма умеренной (около 3 руб.) (12).

В качестве преподавателей в школу тибетской медицины при Ацагатском аршане приглашались ламы-медики из Монголии и Китая (13).

В школе проходили курс обучения 10 учащихся в возрасте от 20 до 40 лет (по национальности буряты и калмыки). Полный курс обучения составлял 6 лет (14).

Одно из зданий аршана было передано сотрудникам Всесоюзного института экспериментальной медицины (находился в Ленинграде), которые вместе с ламами-медиками успешно занимались изучением тибетской медицины (15). В свою очередь, в программу обучения в медицинской школе Ацагатского аршана было включено изучение отдельных аспектов европейской медицины (16).

Ламы-медики старались получить новые знания у советских врачей. Отмечалось, что «более смелые и бывалые» ламы-медики стали применять на своих больных средства и методы европейской медицины (17).

Ламы были сами готовы лечиться у советских врачей, особенно от венерических болезней, перед которыми тибетская медицина была бессильна. В частности, при проведении кампании по борьбе с венерическими болезнями в Бурят-Монголии ламы не только не высказывали никаких жалоб и недовольства, но, будучи впечатлены работой «венерического отряда» советских врачей, восхищались методами их работы, считая, что их «придумала советская власть» (18). В Калмыкии также были известны случаи, когда буддийские священнослужители посещали советских врачей и делали «вливания» (19) (курс лечения от венерических заболеваний).

В середине 1920-х гг., несмотря на усиленное развитие государственной медицинской службы, вопрос о ликвидации ламской медицины на повестке дня советской власти не стоял. В мае 1925 г. Хамбо-лама А.Л. Доржиев направил письмо наркому иностранных дел Г.В. Чичерину с просьбой официально разрешить в Бурятии и Калмыкии изучение и применение тибетской медицины (20). Советские руководители этих регионов считали, что ликвидация тибетской медицины «несвоевременна», «фактически неосуществима и даже нецелесообразна по политическим соображениям».

В первой половине 1920-х гг. Наркомат здравоохранения Бурят-Монголии предпринял попытку регламентации тибетской медицины с тем, чтобы поставить ее под крыло государства, однако это начинание осталось нереализованным.

В октябре 1926 г. при Наркомате было проведено совещание по вопросам тибетской медицины, на котором путь запретительных мер был признан нежелательным, ибо он «мог загнать ее в скрытое состояние» (21).

Таким образом, в те годы власти сознательно сохранили «статус кво» ламской медицины (22). В 1928 г. было объявлено, что при современном состоянии тибетской медицины «не может быть и речи о ее легализации» (23), но и запрета также не последовало. В Туве было принято решение о недопущении запрещать практику лам-медиков и применять к ним репрессивные меры, так как по причине отсутствия приближенных к населению государственных лечебных учреждений эти меры могли вызвать только «отрицательные последствия (недовольство масс)». Тем не менее «в случаях преступных действий» ламы-медики должны были привлекаться к строгой ответственности (24).

Порой с «советской стороны» звучала положительная оценка отдельных аспектов тибетской медицины. Признавалось, что в силу многовекового опыта она имеет ряд рецептов, применение которых оказывает целебное воздействие (25), а ламы-медики смогли эмпирически дойти до правильного применения тех или иных продуктов в медицинских целях.

Отмечалось, что ламы-медики Ацагатского аршана «приносят пользу» местному населению (26).

В Туве партийные органы объявили, что тибетская медицина имеет давнюю историю своего существования и неоспоримые факты излечения некоторых болезней, неподвластных европейской медицине (27).

Ученый комитет Монголии в октябре 1929 г. предложил Академии наук СССР ввиду того, что тибетская медицина «совершенно не изучена», ни с теоретической, ни с практической стороны, начать ее исследование методами «европейской точной науки», для чего командировать в Монголию соответствующего специалиста (28).

В итоге в 1920-х гг. в СССР была реализована тактика осторожного противостояния буддийской системе здравоохранения, без прекращения медицинской деятельности лам-медиков, чтобы не создать вакуум, который советский режим не смог бы заполнить (29).

Власти осознавали, что влияние ламской медицины могла подорвать только организация «научной медицины», пропаганда медико-научных знаний и санитарно-гигиенических норм, а также профилактические меры (30), т.е. создание соответствующей сети государственных медицинских учреждений с необходимым количеством медработников, которые смогли бы составить достойную конкуренцию учреждениям тибетской медицины и в результате их «задавить». Поэтому было решено реализовать политику агитации за недопущение лекаря тибетской медицины к населению «со своими знахарствами» (31), а также усилить работу по развитию советского здравоохранения, отвлекая население от пользования ламской медициной (32).

Несмотря на наличие и развитие сети государственных медицинских учреждений, влияние тибетской медицины оставалось значительным в течение всего периода 1920-х гг. (33). В 1930 г. в Бурято-Монголии работали 93 советских врача и 120 чел. среднего медперсонала, в то же время как только в 9 восточных аймаках этой республики практиковали 407 лам-медиков, а в Селенгинском аймаке их число в 8 раз превышало количество советских медработников (34). Распространенность ламской медицины констатировалась в Бурят-Монголии и Калмыкии и в 1932 г. (35), а очень широкое распространение литературы, посвященной тибетской медицине, – в 1935 г. (36). Превалирование ламской медицины постоянно отмечалось в эти годы в Туве (37).

Таким образом, имевшаяся в наличии сеть советских медицинских учреждений, как признавали сами власти, никоим образом не могла выдержать конкуренцию с тибетской медициной. Поэтому в конце 1920-х гг. тактика реформирования системы здравоохранения в Бурятии и Калмыкии была пе-

рестроена в сторону ужесточения государственной политики по отношению к ламской медицине. В частности, административными мерами пресекался ввоз тибетских лекарственных препаратов из-за границы (38).

Советская пропаганда распространяла негативную информацию о ламской медицине. Кроме общей ее «далекой отсталости» по отношению к европейской медицине (39), педалировался факт, что тибетская медицина совершенно беспомощна в борьбе с социальными болезнями (сифилисом и туберкулезом) (40). Отмечалось, что «о сифилисе ламы имеют... неправильное представление» и «совершенно не могут его лечить» (41). Поэтому борьба с инфекционными заболеваниями была практически единственным полем деятельности, где у советской медицины была гарантированная надежда на успех. Считалось, что при реализации программы борьбы с такими болезнями население на деле убедится в «беспомощности» тибетской медицины (42).

Кроме того, было обнаружено, что ламская медицина не имеет под собой «научной основы».

Советский врач-общественник Б.В. Семичов писал, что «даже самое поверхностное знакомство с тибетской медициной позволяет нам сказать с полной категоричностью, что это не наука», так как она создана «без естественно-исторического фундамента и стоит в одном ряду с церковной догмой».

Как материалистов, советских ученых отвращал от тибетской медицины сам факт, что она «возникла под влиянием религии и считается одним из видов божественного откровения». Поэтому, как они считали, тибетская медицина была поставлена «в узкие застывшие формы», которые «не дали ей никакого развития», ведь для нее «всякое нововведение, не согласное с догмой, заложенной в традиционном тексте, будет признано ересью» (43).

С такими утверждениями нельзя полностью согласиться, так как ламы-медики, как говорилось выше, уже в 1920-х гг. приступили к модернизации своей практики, без колебаний перенимая опыт европейской медицины.

Советские общественники заявляли о низком качестве медицинского образования лам-медиков, утверждая иногда, что они в большинстве случаев являются «беззащитными шарлатанами» (44). Журналист М. Кольцов даже утверждал, что до Октябрьской революции «никто никогда не лечил калмыков» (45), игнорируя наличие многовековой традиции тибетской медицины в Калмыкии. О медицинской школе в Ацагатском аршане говорилось, что «школы в буквальном смысле слова нет, а есть скорее группа слоняющихся без дела почти весь день молодых людей, которые каким-то образом хотят чему-то научиться» (46).

В вину ламам-медикам ставили «распространение социальных болезней (сифилис, гонорея, туберкулез, трахома, алкоголизм)», и то, что они остаются «консерваторами, злостными и упорными противниками всех санитарно-профилактических мероприятий, которые органы здравоохранения пытаются привить... в борьбе за здоровый быт».

В целом делался вывод, что «ламаизм своей обрядовой стороной и учением причинил тяжкий вред здоровью населения» (47).

Властные органы осознавали значимость борьбы с тибетской медициной не только в сфере здравоохранения, но и в общеполитическом смысле. Признавалось «опасным», что через посредство лам-медиков буддийские священнослужители «укрепляют связь с массой» (48), поддерживают в народе религиозные убеждения и «разлагающе влияют на общекультурное развитие». Поэтому власти рассматривали вопрос полного охвата населения квалифицированной медицинской помощью не только как основную проблему здравоохранения, но одновременно и как «общекультурную проблему, имеющую антирелигиозный характер» (49).

«Вред» тибетской медицины, по мнению властей, состоял также в том, что она была основана «целиком на всякого рода богослужениях, мистических приемах, влияющих на религиозные предрассудки». Указывалось, что если удастся уничтожить «слепую веру» населения в «чудодейственную силу» ламы-медика, то получится разрушить и «то слепое подчинение религии и духовенству, которое мешает... быстро восстановить культурно-просветительную работу» (50).

А сделать это было непросто, так как даже после начала прямых гонений на буддийскую конфессию в конце 1920-х гг. ламы-медики продолжали пользоваться популярностью среди населения. В ноябре 1930 г. Бурят-Монгольский обком ВКП(б) отмечал, что тибетская медицина стала главной экономической базой буддийской конфессии (51) ввиду того, что другие экономические позиции ламства уже были подорваны властями, в том числе путем введения усиленного и зачастую чрезмерного налогообложения, а также пресечения пожертвований со стороны верующих.

На рубеже 1920-х и 1930-х гг., с общим усилением давления на буддийские религиозные институты, власти начали предпринимать репрессивные шаги в отношении ламской медицины. В августе 1930 г. М.Н. Ербанов направил докладную записку «О борьбе с тибетской медициной в Бурят-Монгольской Республике» на имя председателя Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) Е.М. Ярославского, в которой просил адресата законодательно запретить тибетскую медицину (52).

К этому времени власти стали более жестко воспринимать не только ламскую медицину, но и попытки лам-медиков модернизировать свою работу.

Считалось, что «не привыкшее работать ламство боится расстаться со спокойной и сытой жизнью», поэтому, «чувствуя свое бессилие во врачебном искусстве и религиозном обмане», оно «начинает изыскивать пути к удержанию своего прежнего влияния на массы», «пытаясь кустарным путем научиться тому, что дается годами упорного труда» (53).

Советские пропагандисты распространяли сведения, что ламы-медики пытались «приспособиться к существующей политической обстановке», «дать представление о тибетской медицине, как действительно о науке», вво-

дили «принцип коллегиальности управления» и даже «отказ от религии», так как они якобы понимали, что «при существующем положении вещей чистый вид знахарства не в состоянии бороться с конкурентом – Наркомздравом» (54).

В отношении лам-медиков местные власти предпринимали административные меры по «борьбе с шарлатанством», которые зачастую переходили все границы. В частности, в Хоринском аймаке Бурят-Монголии были незаконно арестованы 14 лам-медиков «для привлечения их к уголовной ответственности». Однако от населения поступило большое число ходатайств об их освобождении, в связи с чем партийные органы с горечью констатировали наличие «большого интереса к религии и тиб[етской] медицине» (55). Следует отметить, что власти подвергали критике административные меры, осуществлявшиеся на местах, в отношении ламской медицины, так как эти «искривления в антирелигиозной практике... сыграли на руку тому же ламству». Подчеркивалась недопустимость огульного запрещения тибетской медицины местными властями, которым предписывалось бороться с ламами-медиками с помощью «насаждения наших советских медпунктов» (56).

Тем не менее запущенный властями процесс окончательного разгрома ламской медицины было уже не остановить. Ламы-медики были открыто объявлены «вредителями здоровья трудящихся» и силой, «враждебной» по отношению к советской медицине. Утверждалось, что, «совмещая в своем лице представителей буддийского вероучения и тибетского врачевания, ламы широко используют свое положение и искусно плетут тонкие нити эксплуатации и угнетения, опутывающие массы трудящихся» (57).

Партийные органы предписывали незамедлительно расширить и перестроить сеть советских медицинских учреждений, применительно к условиям каждого отдельного района, соответственно увеличив кадры медицинских работников. Местным властям было указано разоблачать лам-медиков, пытавшихся модернизировать свою деятельность путем применения средств из европейской медицины (например, сальварсана (58)), организуя, в том числе, «судебно-показательные процессы» (59).

Весной 1931 г. Бурят-Монголию посетила экспедиция Ботанического сада Академии наук СССР для ознакомления с тибетской медициной. Экспедиция сделала вывод, что тибетская медицина «не имеет права на существование», а ее изучение «не имеет никакого смысла», ибо оно не внесет «никакого вклада в современную научную медицину». Единственная польза в изучении тибетской медицины, по мнению экспедиции, могла состоять только в историко-этнографическом аспекте («изучение истории возникновения и развития тибетской медицины вообще, и восточной, в частности»).

В качестве конкретных шагов по искоренению тибетской медицины экспедиция предложила административное закрытие Ацагатского аршана и медицинской школы, тем более что «никто не мог дать юридического обоснования... [их] существования».

Если бы не нашлось оснований закрыть аршан административным путем, предлагалось создать условия, при которых аршан «сам бы сошел как можно быстрее на нет». В том числе можно было немедленно закрыть ванное здание «как основной источник заразы», ликвидировать медицинскую школу «после признания тибетской медицины ненужной», обратить внимание налогового аппарата Наркомфина «на финансовую независимость и бесконтрольность аршана», предложить Ацагатскому совету и ячейке ВКП(б) провести среди населения кампанию по экспроприации земельных владений аршана, усилить советский медицинский пункт в Хара-Ацагате в «противовес аршану», а также запретить ламам получение лекарственных средств из Китая.

Отдельно было высказано мнение о необходимости ликвидации Комитета по тибетской медицине, который рассматривался как «никому не нужный фиктивный орган».

«Опасность» Комитета была усмотрена в том, что он имел официальные штамп и печать, которые могли употребляться «совершенно бесконтрольно, и неизвестно кем и для каких целей».

Крайне нежелательной для властей являлась деятельность Комитета «в захолустных местах», где «бумажка с печатью» оказывала большое психологическое воздействие на население. В связи с этим предлагалась Комитет ликвидировать, конфисковав у его председателя Д. Ендонова печать, штамп и все документы, выданные ему советскими учреждениями, которые служили «средством агитации за научность как его лично, так и тибетской медицины» (60).

Однако не только наличие Комитета по тибетской медицине, но сама деятельность лам-медиков, которые оказывали реальную помощь населению, поддерживала авторитет тибетской медицины. Даже после многих лет борьбы с ламской медициной, в январе 1935 г., ЦИК Бурято-Монгольской АССР вынужден был сообщить в Комиссию по вопросам культов ВЦИК, что «тибетская медицина является одним из методов сохранения ламством своего авторитета».

Подчеркивалось, что в связи с открытием «Тибетской клиники» при Институте экспериментальной медицины в Ленинграде ламы-медики начали кампанию за «оживление тибетской медицины» со ссылкой на то, что советское правительство якобы ее узаконило: «В Ленинграде открыта клиника, лечатся там Сталин, Горький и др.» (61).

Борьба с тибетской медициной, которая рассматривалась в качестве «оплота буддийского культа» (62) и «необходимой части буддийской религии», естественным образом связывалась с искоренением этой религии. Считалось, что «до тех пор, пока существует буддизм, существовать будет и его медицина; пока есть верующие буддисты... будут существовать и пациенты». В качестве примера приводилась непосредственная духовная связь между Ацагатской лечебницей и одноименным дацаном.

С точки зрения властей, неотделимость ламской медицины от буддийских религиозных институтов и их взаимная поддержка были причиной того, что деятельность Наркомата здравоохранения не смогла «сломить сопротивление» лам-медиков. Считалось, что если бы не было поддержки со стороны буддийских религиозных институтов, ламы-медики уже давно «перешли бы на положение знахарей и вымерли бы сами собой», однако, имея такую поддержку, они не стали сдавать свои позиции «без боя» (63).

При этом если ламы-обновленцы мирно отстаивали свои права, то ламы-консерваторы вели активную борьбу с советскими медиками. В частности, в Малодербетовском улусе Калмыкии группа буддийских священнослужителей и верующих избила русского фельдшера и разрушила медпункт (64).

Безусловно, свой вклад в борьбу с ламской медициной внесло развитие советской системы здравоохранения. В частности, в Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. было 12 больниц, 21 врачебный участок, 38 фельдшерских пунктов, 4 аптеки, 1 дом матери и ребенка, 1 кумысолечебный санаторий. В 1924 г. были открыты республиканская больница, кожно-венерологический диспансер и Дом санитарного просвещения. Затем был создан противотуберкулезный диспансер. В 1927 г. кумысолечебница была преобразована в туберкулезный санаторий. В 1930 г. был создан Медицинский техникум, а в 1931 г. – Институт здравоохранения.

В итоге к концу 1930-х гг. коечная мощность больниц в регионе увеличилась по сравнению с 1923 г. в 10 раз (65). В Калмыкии к 1937 г. было открыто 16 больниц, 42 фельдшерских пункта, 16 амбулаторий, 33 венерических, 2 туберкулезных дисп., 2 аптеки и 2 аптекарских магазина (66).

В результате кампании по борьбе с ламской медициной констатировались исчезновение «недоверчивого отношения к врачам» и «быстрый рост посещаемости» государственных медицинских учреждений (67). Пропаганда прямо противопоставляла советских врачей ламам-медикам. Известный журналист М. Кольцов писал о советских врачах-калмыках: «Они учились не по двадцать пять лет в [буддийской] академии Чери (68), а по четыре года на московском медфаке. И рукоположенные Главпрофобром в медицинские ламы, они потрясают изумленный народ новыми чудесами, не имеющими ничего общего с нирваной» (69).

Особенно значительными были успехи советских медиков в лечении инфекционных заболеваний, что было оценено населением, которое стало «избегать лам» и «заполнять венерические диспансеры». Советская пропаганда с удовлетворением отмечала, что население уяснило преимущество европейской медицины перед тибетской и поняло «лекарскую беспомощность лам», по причине чего стало предпочитать «больницы дацанам, а врачам ламам» (70). Таким образом, власти, используя всевозможные методы, смогли, в целом, «оторвать население от ламской медицины» (71).

В Туве в 1930-х гг. при содействии экспедиции Наркомздрава РСФСР также удалось «значительно ослабить» влияние ламской медицины (72).

Борьба с ламской медициной, при поддержке СССР, осуществлялась полным ходом в союзной Монголии, где власти полагали, что «монголы, которые будут ознакомлены с методами лечения и основами европейской медицины, поймут и оценят» ее (73).

В апреле 1936 г. было принято постановление ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР «О воспрещении лечения населения методом тибетской медицины» (74).

Таким образом, ламская медицина была поставлена вне закона на основании ст. 180 УК РСФСР, которая гласила, что «занятие врачеванием, как профессией, лицами, не имеющими надлежаще удостоверенного медицинского образования, а равно занятие медицинским работником такого рода медицинской практикой, на которую он не имеет права», каралось принудительными работами на срок до 6 мес. или штрафом в размере до 500 руб.

Однако ламы-медики, предчувствуя жесткие репрессии, уже до официального запрещения тибетской медицины начали «засекречивать» свою деятельность (75), не афишируя ее перед властями. Это обстоятельство способствовало сохранению ламской медицины еще на некоторое время. В 1937 г. в Бурято-Монголии продолжали практиковать 53 ламы-медика (76).

Тем не менее к концу 1930-х гг. в рамках кампании по тотальному уничтожению буддийских религиозных институтов была разгромлена и тибетская медицина. Были ликвидированы все ее центры, в том числе к 1937 г. разрушен Ацагатский аршан (77).

Формы и методы борьбы с ламской медициной были такими же, как при борьбе с буддийской конфессией в целом, – прямые репрессии в отношении лам-медиков за «антисоветскую и контрреволюционную деятельность», недопущение властями восполнения кадров лам-медиков, принуждение лам-медиков оставить занятие медицинской практикой, пресечение доставки лекарственных средств из-за рубежа (78). Пересмотр отношения к тибетской медицине произошел и в лояльной к ней до этого Туве, где она была признана «отсталой, некультурной и вдобавок к этому находящейся у лам как средство эксплуатации» и фактически поставлена вне закона (79).

Мнимое «потворство» ламской медицине стало одним из обвинений в рамках кампании массовых репрессий. В частности, оно вменялось в 1937 г. в вину репрессированному главе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) М.Н. Ербанову (80). В 1938 г. ламы-медики были названы «агентурой», которую «везде и всюду, куда только они могли проникнуть», использовали «высшее ламство и стоящая за ним одна дальневосточная страна» (81) (очевидно, с намеком на Японию).

Таким образом, в период 1920-х и 1930-х гг. буддийская система здравоохранения в СССР, как и буддийская конфессия в целом, пережила несколько этапов развития.

Во-первых, реформирование, связанное с организационным оформлением (создание Комитета по тибетской медицине), внедрением отдельных методов европейской медицины, сотрудничеством с государственными органами здравоохранения (Институт экспериментальной медицины).

Во-вторых, противостояние с государственной системой здравоохранения, инспирированное властями с целью уничтожить буддийскую систему здравоохранения и заменить ее советскими медицинскими учреждениями.

В-третьих, репрессии и ликвидация, в конце 1930-х гг. завершившие развитие буддийской системы здравоохранения в СССР.

Представляется очевидным, что целью борьбы с тибетской медициной была не столько она сама, сколько буддийская конфессия в целом.

Ламская медицина рассматривалась советскими властями в качестве враждебной, в первую очередь, потому, что она была одним из сильных средств связи буддийской конфессии с населением. Власти поставили задачу, гласившую, что любую пользу, приносимую ламскими лечебными заведениями и медицинскими школами, следовало принести в жертву из-за того вреда, который они наносили советскому государству как «орудие» буддийской конфессии.

Трагедия тибетской медицины заключалась в том, что она была одновременно «ламской». Власти принесли буддийскую систему здравоохранения в жертву ради более важной для них цели – искоренения религии, вместо того, чтобы поставить тибетскую медицину на научную основу и интегрировать в государственную медицинскую систему, что, несомненно, обогатило бы ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. док-тов. – Улан-Удэ, 2001. – С. 129.
- (2) *Цыремпилова И.С.* Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). – Улан-Удэ, 2000. – С. 142.
- (3) *Ербанов М.Н.* Строительство Красной Бурятии. – Верхнеудинск, 1925. – С. 31.
- (4) *Кануков Х.Б.* Будда-ламаизм и его последствия. – Астрахань, 1928. – С. 76.
- (5) Статистико-экономический очерк БМАССР // Жизнь Бурятии. – 1931. – № 1–2. – С. 146.
- (6) *Мащенко В.* Антирелигиозная работа в Бурято-Монгольской АССР // Антирелигиозник. – 1930. – № 8–9. – С. 53.
- (7) *Kolarz W.* Religion in the USSR. – N. Y., 1961. – P. 455.
- (8) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина в БМАССР // Советская этнография. – 1932. – № 5–6. – С. 218.
- (9) Аршан – источник с чистой ключевой водой, насыщенной минеральными солями.
- (10) *Дорджиева Г.Ш., Лхарамба А.* Доржиев и калмыцкое духовенство // Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–21 октября 2004 г.). – Элиста, 2004. – С. 50–51.

- (11) *Митыпова Г.С.* К вопросу об историческом поселении школы тибетской медицины на территории Ацагатского аршана (1913–1937) // Буддийская традиция: история и современность. Юбилейные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Агвана Лобсана Доржиева: Мат-лы конф. (25–27 ноября 2004 г.). – СПб., 2005. – С. 70–71.
- (12) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина... – С. 217, 219–221.
- (13) *Митыпова Г.С.* К вопросу об историческом... – С. 70–71.
- (14) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина... – С. 217, 219–221.
- (15) *Андреев А.И.* Уход Агвана Доржиева // *Orient. Альманах.* – 1998. – Вып. 2-3. – С. 95.
- (16) *Мащенко В.* Антирелигиозная работа... – С. 53.
- (17) *Пестерев А.* Тибетская медицина и борьба за здоровый быт в Бурято-Монголии // *Антирелигиозник.* – 1930. – № 8-9. – С. 62–63.
- (18) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 583. – Л. 149.
- (19) *Кольцов М.* Действующие лица. – М.–Л., 1931. – С. 117.
- (20) *Андреев А.И.* Агван Доржиев и судьба буддийской религии в СССР // *Реверс. Философско-религиозный и литературный альманах.* – СПб., 1992. – С. 205.
- (21) *Цыремпилова И.С.* Религия и власть... – С. 101.
- (22) *Ербанов М.Н.* Строительство Красной Бурятии. – Верхнеудинск, 1925. – С. 31.
- (23) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 590. – Л. 76.
- (24) РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 153. – Д. 40. – Л. 44 об.
- (25) Учебник для рабочих антирелигиозных кружков. – М.–Л., 1931. – С. 376.
- (26) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина... – С. 218, 225.
- (27) РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 153. – Д. 40. – Л. 44 об.
- (28) АВП. – Ф. 8. – Оп. 12. – Пап. 81. – Пор. 157. – Л. 146.
- (29) *Kolarz W.* Religion in the USSR. – N. Y., 1961. – P. 452.
- (30) *Убушиева С.И.* Атеистическая пропаганда в Калмыкии. – Элиста, 1986. – С. 29.
- (31) *Глухов И.К.* От патриархальщины к социализму. – Астрахань, 1926. – С. 108.
- (32) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 583. – Л. 152.
- (33) *Убушиева С.И.* Атеистическая пропаганда в Калмыкии. – Элиста, 1986. – С. 29.
- (34) *Мащенко В.* Антирелигиозная работа... – С. 53.
- (35) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина... – С. 216.
- (36) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 577. – Л. 48.
- (37) РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 153. – Д. 40. – Л. 44 об.
- (38) АВП. – Ф. 4. – Оп. 29. – Пап. 195. – Пор. 75. – Л. 42.
- (39) *Пестерев А.* Тибетская медицина и борьба... – С. 59.
- (40) *Ербанов М.Н.* Строительство Красной Бурятии... – С. 31.
- (41) *Пестерев А.* Тибетская медицина и борьба... – С. 60.
- (42) *Ербанов М.Н.* Вопросы национально-культурного строительства Бурятии: Краткий очерк. – Верхнеудинск, 1926. – С. 29–30.
- (43) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина... – С. 224.
- (44) *Пестерев А.* Тибетская медицина и борьба... – С. 59–62.
- (45) *Кольцов М.* Действующие лица... – С. 110.
- (46) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина... – С. 220.
- (47) *Пестерев А.* Тибетская медицина и борьба... – С. 60, 63.

- (48) *Борисов Т.* Калмыкия. Историко-политический и социально-экономический очерк. – М.; Л., 1926. – С. 29.
- (49) Статистико-экономический очерк БМАССР // Жизнь Бурятии. – 1931. – № 1–2. – С. 146.
- (50) *Глухов И.К.* От патриархальщины к социализму... – С. 108–109.
- (51) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 592. – Л. 409.
- (52) *Курас Л.В.* Репрессивная политика Советского государства в Бурят-Монголии в 20-е годы XX в. // Политические репрессии 1930-х гг. на территории Бурятии: Мат-лы Респ. научно-практ. конф. «Памяти жертв политических репрессий 30-х гг. XX века» (27 октября 2007 г.). – Улан-Удэ, 2007. – С. 9–10.
- (53) *Пестерев А.* Тибетская медицина и борьба... – С. 62–63.
- (54) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина... – С. 226.
- (55) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 592. – Л. 119.
- (56) *Мащенко В.* Антирелигиозная работа... – С. 53.
- (57) *Подгорный И.Д.* Ламы – вредители здоровья трудящихся // Безбожник. – 1931. – № 19. – С. 7.
- (58) Лекарственное средство против сифилиса.
- (59) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 592. – Л. 407, 409.
- (60) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина... – С. 225, 227–228.
- (61) Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. – С. 133–134.
- (62) Статистико-экономический очерк БМАССР // Жизнь Бурятии. – 1931. – № 1–2. – С. 146.
- (63) *Семичов Б.В.* Тибетская медицина... – С. 217, 226.
- (64) *Овчинников В.С.* Борьба партийных организаций с реакционной деятельностью ламаистского духовенства // Ученые записки Читинского пединститута. – 1967. – Вып. 15: Вопросы научного коммунизма и атеизма. – С. 82–83.
- (65) *Номогоева В.В.* Из истории социально-культурного строительства в Бурятии в 1920–1930-е годы // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. – 1997. – № 1. – С. 60–62.
- (66) *Овчинников В.С.* Борьба партийных организаций... – С. 110.
- (67) *Кузьменко П.* Борьба за оздоровление бурятских масс // Жизнь Бурятии. – 1927. – № 10. – С. 105, 108.
- (68) Правильно – «Чоре».
- (69) *Кольцов М.* Действующие лица... – С. 116.
- (70) *Пестерев А.* Тибетская медицина и борьба... – С. 60, 62.
- (71) *Кузьменко П.* Борьба за оздоровление... – С. 105, 108.
- (72) РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 153. – Д. 50. – Л. 39.
- (73) АВП. – Ф. 8. – Оп. 12. – Пап. 81. – Пор. 157. – Л. 197.
- (74) *Цыремпилова И.С.* Религия и власть... – С. 142.
- (75) Из истории религиозных конфессий Бурятии... – С. 133.
- (76) *Цыремпилова И.С.* Религия и власть... – С. 142.
- (77) *Ангаева С.П.* Буддизм в Бурятии и Агван Доржиев. – Улан-Удэ, 1999. – С. 105.
- (78) Из истории религиозных конфессий Бурятии... – С. 134.
- (79) РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 153. – Д. 50. – Л. 38.
- (80) Там же. – Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 579. – Л. 9.
- (81) *Даурский В.* Ламаизм и тибетская медицина // Антирелигиозник. – 1938. – № 7. – С. 39.

SOVIET POLICY TOWARDS BUDDHIST HEALTHCARE SYSTEM IN 1920–1930S: REFORMS AND REPRESSIONS

F.L. Sinitsyn

Center of War History of Russia
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
19 Dmitry Ulianov Str., Moscow, Russia, 117036

The article analyzes the main stages of interrelations development between the Soviet state and the Buddhist healthcare system (Tibetan medicine) in the 1920–1930s: reforming, confrontation, repressions and elimination. As a result of these interrelations development the authorities preferred not to integrate the Tibetan medicine into the state healthcare system, but to sacrifice it for the sake of the total eradication of the Buddhist confession.

Key words: Buddhism, USSR religion policy, healthcare, Buryatia, Kalmykia.